

Год 2009

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Такси, замедляя ход, плавно вынырнуло из-под желто-красного шатра осенней аллеи и остановилось неподалеку от забора, перекрывавшего путь асфальтовой дороге. Дальше шла частная территория, огражденная этим самым забором. Кованая решетчатая преграда тянулась в обе стороны, оплетаемая кустарником, вьюном и дикой виноградной лозой. Сами массивные ворота в два с лишним метра высотой были закрыты.

Никита рассчитался с водителем хрустящей ассигнацией и отпустил его обратно в город. Уезжать отсюда в ближайшие дни он не планировал. С жадным любопытством поглядел на герб Назаровых, представляющий собой варяжскую форму щита. Тот был однотонного светло-зеленого цвета с рубином в обрамлении золотой свастики посередине. Точно такой же родовой знак висел на шее молодого человека в виде кулона. Герб, хорошо видно, недавно обновили. Краска сияла чистотой, а металлические части искрились эмалью. Ворота тоже выкрашены, только черным заводским лаком. На верхних столбах-опорах торчат две камеры. Свежая асфальтовая дорога для транспорта ведет к особняку. Для пешеходов сбоку тянется дорожка, выложенная ребристой плиткой. Вокруг ни души. А взгляд цепляется за идеальную чистоту и пустоту на территории поместья. Побитая первыми осенними заморозками трава тщательно проглажена граблями, проплешины засыпаны свежим речным песком.

Никита осмотрелся и нашел на левом столбе кнопку вызова. Надавил на нее и встал так, чтобы следящий за камерами человек мог видеть его лицо. Внезапно замок щелкнул, створки ворот дрогнули и начали отходить в сторону. Где-то зажужжали сервоприводы. Усмехнувшись, он протиснулся между створками, не дожидаясь, когда они окончательно разойдутся, и пошел по дорожке в сторону двухэтажного особняка. Невольно замедлил шаг, с возрастающим волнением озираясь вокруг. Ведь это было его родовое гнездо, в котором жила мама, куда он сам вернулся из далекого странствия. Да, Никита себя считал настоящим путешественником, уже забывшим, как выглядит родной дом.

Он уже подходил к парадному крыльцу особняка, пережившего недавно капитальный ремонт фасадной части, когда навстречу ему высыпало несколько человек. Это были две женщины среднего возраста в форменной одежде горничных, молодая девушка с подносом, на котором стояла хрустальная чарка с водкой и аппетитной горкой высился свежеиспеченный каравай с солонкой; рядом с ними топтался прижатый старостью к земле седой мужчина. Он с волнением и жадным любопытством смотрел на приближающегося Никиту и сжимал в руках клюку. Девушка со вспыхнувшим румянцем на щеках шагнула навстречу гостю и сделала легкий поклон.

— Добро пожаловать домой, молодой барин! — певуче произнесла она. — Изволь хлеб-соль!

Никита с удовольствием посмотрел на миловидное личико девушки, на ее конопатый носик и выбеленные солнцем волосы. Сбросив дорожную сумку на землю, он протянул руку к рюмке и глубоко вздохнул. Водку он пробовал лишь однажды, еще с Елисеевым и Костей Краусе, и не сказать, что напиток пришелся ему по душе. Но традиция требовала жертв. Опрокинув в себя стопку, сделал усилие, чтобы не морщиться, отломил от пышного каравая кусок, макнул в соль. Закуска не ахти, но помог-

ла справиться с огненным валом в пищеводе. Женщины утирали слезы, но ничего не говорили. Старик подошел ближе, цапнул Никиту за рукав куртки.

— Ну, вот и дождался нового хозяина, — просипел он и неожиданно приложился к левой руке Никиты сухими губами. Никита ошеломленно смотрел на его плешивую макушку и с трудом сообразил, что с ним разговаривает Сашка — верный управляющий прадеда.

— Где он? — раздался громовой голос с крыльца.

Женщины разошлись в стороны, и Никита увидел патриарха. Вживую тот производил впечатление мощного, волевого человека, пустившего корни глубоко в землю, и никакие бури и катаклизмы не могли поколебать его и склонить набок. Лицо испещрено морщинами, гладко выбритый волевой подбородок придает окончательную несокрушимость. Человек-скала. Уверенно спустившись, он отодвинул Сашку в сторону, обхватил Никиту за плечи, внимательно посмотрел в его глаза. Молчание затянулось.

— В мать, — выдал свой вердикт патриарх. — Наша кровь. Здравствуй, сынок. Добро пожаловать домой.

Он притянул к себе Никиту и крепко обнял его; что-то подозрительно защипало в глазах парня, грозясь вылиться соленой слезой. Хотелось разрыдаться и смочить дорогую ткань пиджака деда, но сдержаться было необходимо. Потом, без лишних свидетелей его слабости...

— Ну, все, все, — дед прекрасно читал эмоции юности и не стал усугублять ситуацию. Голос его погрубел. — Давай я тебя познакомлю. Алена — служащая по контракту, — он тыкнул пальцем в улыбающуюся девушку. — Мои-то старушки уже не успевают за хозяйством, приходится подстраховываться.

Он усмехнулся, глядя на двух женщин. Те нисколько не обиделись, а одна из них кокетливо произнесла:

— Скажете тоже, Анатолий Архипович, — старухи! Да мы еще Аленке фору дадим!

— Ага. Это Лизавета, — тут же указующий перст переместился на говорливую женщину. — Она здесь старшая по дому. А рядом стоит и глазки строит — Мария. Главная по кухне. Сашку ты, наверное, признал?

— Догадался, — честно ответил Никита. — У тебя такое огромное поместье, а людей раз-два и обчелся. Не хорошо.

Старший Назаров захохотал и похлопал Никиту по спине.

— Пошли в дом, сынок! Вот теперь и будешь сам решать, что делать с родовым гнездом. Стройся, расширяйся, укрепляй безопасность рода, набирай штат своих людей. А я отхожу в сторону. Буду на рыбалку ездить с Сашкой.

— Не рановато ли? — вежливо поинтересовался Никита, поднимаясь по лестнице. Свою сумку он не доверил никому, так и нес в руке. Остальные, чуть задержавшись, двинулись следом.

— Самое то. Закончим все формальности — вот тогда и почувствуешь, каково быть хозяином этого обветшалого добра.

Несмотря на кажущуюся несокрушимость, старший Назаров ступал тяжело, и лестничное путешествие сразу сказало на его дыхании. Остановившись перед распахнутыми дверями, он жестом показал, что позволяет Никите первому переступить порог дома. Маленькая хитрость, которая давала ему возможность не терять бодрость духа перед внуком, показать, насколько еще старик крепок. Никита сделал вид, что не обратил внимания на его заминку. Его интересовало другое. Родовое гнездо словно специально подготовили к возвращению желанного птенца. Новый паркетный пол, блестящие белизной стены, чисто вымытые окна, большие горшки с цветущей зеленью, лестница на второй этаж застелена бордовым ковром. Тяжелые габардиновые шторы аккуратно сдвинуты в сторону и связаны хитрыми бантиками понизу,

чтобы не распускались. Солнце освещало гостиную, где большой стол уже был уставлен тарелками, судками, фужерами. К нему и повел старик Никиту.

К удовольствию парня, за стол сели все, кто встречал молодого хозяина, кроме Алены. Девушка никуда не ушла, а только занялась раскладкой первого блюда по глубоким тарелкам: наваристой стерляжьей ухи со свежим укропчиком. Дед разлил из графина водку по рюмкам, а Никита плеснул вина в бокал Алены. Ему нравилось, что дед удостоил внимания не только правнука, но и прислугу, тем самым давая понять, кому теперь вручены бразды правления. Все должны привыкнуть друг к другу, оценить степень доверия.

Впрочем, все прошло довольно хорошо. Патриарх произнес проникновенный тост про возрождение рода и выразил надежду, что именно с этого дня начнет цвести новый отросток старого дерева. Довольно витиевато, но мило. Старик был меланхоличен, прислуга отбросила скованность, но долго за хозяйским столом не сидела. Доверие доверием, но меру знали все. Никита с сожалением проводил взглядом Аленку, которая бросилась выполнять свои обязанности. Он бы не отказался от ее присутствия до конца трапезы. Как бы хорошо себя ни чувствовал Никита, но застолье с дедом навевало скуку. Он ждал момента, когда патриарх начнет вводить его в курс дела. Да и просто поговорить хотелось.

Анатолий Архипович чувствовал нетерпение парня и, усмехаясь в усы, которые он не подверг тотальному сбриванию, предложил наконец прогуляться по парку. День был хороший, и сидеть в четырех стенах при лишнях ушах ему не нравилось.

Они медленно прогуливались по дорожкам березовой аллеи, и патриарх наставлял наследника:

— С работниками не веди себя фамильярно. Ты хозяин, твои пожелания, прихоти — в разумных пределах, конечно, — и приказания должны выполняться беспре-

кословно и в точности до запятой. Иначе прослывешь человеком, не выполняющим свое слово. Никаких хи-хи. С девушкой не балуй так откровенно. Я же видел, как ты паялился на Аленку. Не переступай ту грань, когда из хозяина можешь превратиться в зависимого от простой девки человека. Даже волхвом можно манипулировать. Ну, а если приспичит — Алена знает, зачем она здесь. Понимаю, дело молодое, организм требует разрядки, особенно с твоей силой. Энергия такого характера выжигает ауру похлеще магического удара противника.

— Дед... — густо покраснел Никита. — Да ладно тебе...

— Не «ладно», — проворчал Анатолий Архипович. — Дурное семя в башку стукнет — перестанешь все правильно воспринимать. Ну, если сможешь перетерпеть и не свалиться в бруд — молодец. С обретением статуса вокруг тебя такие птички из аристократических гнезд запорхают — еще и выбрать будешь.

— Сплошные «не», — усмехнулся Никита, постепенно приходя в себя от откровенности деда. Они как раз проходили мимо фонтана, в чаше которого плавали желтые листья и отсвечивали лучи солнца, бросая блики на парпет и лица прогуливавшихся людей.

— Увы, но это так, — подтвердил старик. — Необходимый минимум для неопытного мальчишки, заполучившего в руки стабильное и мощное хозяйство. Я сберег для тебя поместье, деньги, предприятия. Пока ты будешь учиться в Академии, я присмотрю за домом. Но с женитьбой тебе не стоит тянуть. Хозяйка нужна крепкая, соображающая. И от неправильных решений отговорит. Ладно, опять зарделся, маков цвет...

— Я не буду поступать в Академию, — отрезал Никита, полагая, что дед завел речь о Коллегии иерархов.

Анатолий Архипович внимательно посмотрел на правнука.

— Почему?

— Слишком настойчиво меня туда тянут. Не люблю, когда начинают давить и угрожать. Решил идти в Военную академию Генштаба. Есть договоренность между иерархами и великим князем Константином. Меньшиков берет покровительство надо мной, пока я буду учиться в ВВА, и обещал отпускать меня, если Коллегия захочет пообщаться. Господин Токарев получил уже рекомендации от великого князя и разрешил провести вступительные экзамены.

Старик внимательно посмотрел на Никиту, даже чересчур внимательно, словно хотел понять, правильно ли поступает внук.

— Я не имел в виду Академию иерархов, кстати. Но в ВВА ты опоздал. Набор туда закончен, — пожал плечами Назаров-старший. — Ты не переживай, у нас есть несколько дней. Я уже решил этот вопрос. Сначала официальное вступление в наследство. Съездим в Вологду, соберем вместе местных иерархов, пригласим в юридическую компанию, где лежат все документы. А потом под своей настоящей фамилией поедешь в Петербург. Считаю, что финансовая составляющая не должна довлеть над тобой. Доступ к своим счетам ты получишь, не сомневайся, и можешь пользоваться ими по своему разумению. Если есть страх неумения владеть крупным капиталом, найду тебе управляющего. У меня на примете находится парочка хороших финансистов, преданных не хуже домашних псов.

Патриарх бросил взгляд на Никиту. В профиль он удивительно напоминал Валюшку в молодости. Мягкий подбородок с округленными чертами, аккуратный нос, даже мочки ушей похожи — слегка вытянуты, глаза с таким же упрямым выражением... Почти ничего от человека, чье семя дало жизнь мальчишке. Удивительное везение. Анатолий Архипович до сих пор не мог простить ему трусости. Ведь никто не мешал прийти и смело попросить руки внучки. Да, патриарх долго орал бы, доведя Валюш-

ку до слез, но рано или поздно, прояви несостоявшийся муженек силу воли, он сдался бы. Разве не хотел Назаров для единственной наследницы лучшей доли? А вот как все получилось. Взбрыкнула, проявила назаровский характер и покинула отчий дом. Себе на горе.

— Какое у меня состояние? — помолчав, спросил Никита. Деньги для него были важны в контексте будущего дела. Сейчас он не собирался сорить ими. Пусть лежат. Финансы любят тишину.

— Хорошее состояние, — улыбнулся старший Назаров. — В рублевом эквиваленте не менее трех миллионов. Но это лишь на карманные расходы в течение пяти лет, пока ты овладеваешь военной профессией. В ценных металлах — золото, платина, серебро и драгоценные камни — на конец прошлого года капитал составил в фунтах стерлингов, франках, марках и немного в долларах... около ста миллионов. Валюты, Никита. А еще акции, но их немного. Я основной держатель всех оставшихся предприятий. Неликвид сбросил псам барона Китсера, пусть подавятся. Я ведь богач, но по сравнению с теми же Меньшиковыми, Балахниными или Карповичами — голь перекатная.

— Так уж и голь? — усмехнулся Никита. — Откуда такие суммы?

— Часть продукции «Гранита» продаю за рубеж с соизволения Экспортного бюро. Очень приличный товар, хорошо берут. Плюс к этому мануфактура. Игра на бирже.

— «Изумруд» не отдал?

— Откуда про него знаешь? — полюбопытствовал старик. — Изучил досье по открытой Сети?

— Да, интересовался, — признался парень. Он нарочито сбавил шаг, чтобы патриарху было легче вести беседу и не задыхаться во время ходьбы. — Но не понял, чем конкретно занимается корпорация.

— Я никому не отдам мое детище, — твердо заявил Анатолий Архипович. — Оно выстрадано мною. За него

пришлось рисковать жизнью, разыскивая архивы Китсера в Кашгаре. Хочешь знать, чем занимаются специалисты «Изумруда»? Официальный реестр: разработка электронных компонентов для военной техники, магических шифровальных плат для правительственной связи и прочих вещей, требуемых для армии, флота и авиации. Это на поверхности. Корпорация считается частной компанией и имеет заказы от Генштаба на оснащение вооружения качественными и дешевыми компонентами, завязанными на магии. Я не делаю оружие. Я изобретаю то, что защищает нашего русского солдата. И все это на мои деньги. Ни копейки не просил у Меньшиковых.

Патриарх остановился перед скамеечкой и жестом показал, что хочет присесть.

— Как раз на солнышке погреюсь, если не возражаешь, — сказал он. — Зима скоро, вот так просто на улицу не выглянешь.

— Конечно, дед, сядем, — не стал спорить Никита. Ему-то тем более торопиться некуда.

— На самом деле «Гранит» — это отвлекающий маневр, ловушка для иностранных агентов, вынюхивающих, что же там изобретают коварные русские маги. Пусть там рыщут, а «Изумруд» — недосыгаемая для них высота. Именно в «Изумруде» ведутся разработки, и уже давно, техники для поиска порталов в другие миры и в прошлое нашей истории. Не криви губы в улыбке. Эта моя прихоть основана на дневниках Александра Китсера. Я нашел его в Кашгаре и успел с ним плотно пообщаться. Старик, казалось, выжил из ума, но это была лишь ширма для наивных простачков. Он предоставил мне кое-какие теоретические выкладки, гипотезы, свои мысли. Портал можно найти с помощью магических кристаллов, сконцентрированных в строгой последовательности в нужном месте — вот его гипотеза. Можно сколь угодно ерничать: где это место, сколько кристаллов надо и как его вообще обнаружить? Но еще он сказал, что, владея нужными

артефактами, можно смоделировать свое будущее. Не в точной последовательности, конечно, а в некой матричной вселенной.

Улыбка медленно сползла с лица Никиты. Сердце гулко бухнуло в груди и начало накачивать адреналином кровь. То, что сейчас говорил патриарх, никакая не гипотеза, а самая настоящая реальность. Точнее, псевдореальность. Выходит, этот Китсер не был безумцем! Говорить или не стоит про свое путешествие под воздействием «радуги»? Пожалуй, нет. Иначе старик привяжет его к дому, вызовет своих ученых и начнет экспериментировать на родном правнуке. Никита не идеализировал старика. Тот еще волк. Нет, он просто испугается за жизнь наследника. Один прием «радуги» еще не давал никаких фактов, но регулярное его применение может дать негативные последствия.

— Ты что-то знаешь про такую теорию? — невозмутимо спросил Назаров-старший, уловив всплеск эмоционального фона и мгновенно побагровевшую ауру. Совсем не умеет скрывать свои чувства мальчишка.

— Слышал, — слукавил Никита. Потом исправился: — Читал в Сети. Не так уж и много об этом феномене пишут. Одни домыслы и пустые теории, обсмеянные иерархами.

— Ну и пусть себе смеются, лишь бы не совали нос в разработки, — хмыкнул Анатолий Архипович. — Большой шум поднялся в Кабинете императора по поводу какой-то «радуги». По слухам — это то, что я думаю? Может ли кристалл наркотика смоделировать будущее?

— Нет, я бы не стал так категорически рассуждать, — выдохнул Никита. — Здесь, скорее, воздействие наркотика на мозг самое прямое. Он раздражает какие-то участки и проецирует их в красочные видения.

— Да и нехай проецирует, — вдруг благодушно махнул рукой старик. — Лучше поговорим о твоём будущем, ре-

альном и наступающем. Значит, великий князь Константин берет тебя под опеку?

— Не сам он, — почему-то смутился Никита. — Представитель князя Меньшикова передал мне лично его повеление. По приезде в столицу меня встретят и пристроят.

— Вот как, — патриарх тщательно сгладил в голосе удовлетворение. Не изменил своему слову князь, пока держит данное обещание. Что ж, хорошо. Думаю, тебе стоит ему довериться, как бы странно ни звучали мои слова.

Старик Назаров не стал рассказывать мальчишке о договоренности между ним и великим князем. Он слишком хорошо представлял себе опасность откровенного разговора. Кровь молодая, горячая, сразу забурлит, и наделает Никита таких глупостей, о которых потом будет сожалеть всю оставшуюся жизнь. Сначала надо исподволь подвести его к мысли о необходимости укрепить свой тыл. А без жены, без надежной крепкой семейной связи и верной команды можно за пару лет опуститься до уровня нищего в последних штанах. Скучная аксиома, которая бесит молодых. Увы, но к осознанию своих ошибок они приходят с язвой желудка, издерганными нервами и желанием пустить в свою глупую голову пулю. Не все, не все! Излишняя драматургия была присуща патриарху, и он привык обобщать некоторые мысли, круто расписывая их, не жалея красок, особенно черных.

Крепкий тыл с великим князем в арьберггарде не впечатлил старшего Назарова. Меньшиков рано или поздно закопает свое слово в отхожем месте, и чем быстрее уйдет на тот свет патриарх, тем быстрее он начнет зажимать Никиту. Умирать в ближайшие пять-шесть лет Анатолий Архипович не собирался. Разыгрывая перед глупцами свою немощь, он чувствовал себя прекрасно. Да, ноги стали плохо слушаться, трудно сгибаться, прочие стари-